

Дмитрий Марр

Точка отсчета

18+

Дмитрий Марр

Точка отсчета

«Автор»

2026

Март Д.

Точка отсчета / Д. Март — «Автор», 2026

В душном июле Москва становится сценой для серии необъяснимых убийств. Жертвы — строители, архитекторы, инженеры — находят в заброшенных уголках города. На их телах появляется загадочный символ, превращающий людей в элементы городского механизма. Следователь Андрей Воронов сталкивается с преступником, который воспринимает город как живой организм, а себя — как хирурга, исправляющего его «болезни». Каждое новое тело — часть чудовищного плана, где человеческие жизни становятся деталями в архитектуре смерти. Но самое страшное — убийца методично размещает жертв в стратегических точках мегаполиса, создавая карту, способную изменить реальность. И пока следователь пытается разгадать его мотивы, число жертв растёт, а город превращается в лабиринт смерти, где каждый может стать следующей точкой на карте безумия. Сможет ли Воронов остановить убийцу, прежде чем тот завершит свой чудовищный проект? Или Москва станет свидетелем трансформации, в которой человеческая жизнь потеряет всякий смысл?

© Март Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: Духота асфальта	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Марр

Точка отсчета

Часть 1: Духота асфальта

Глава 1

Москва плавилась.

Не пылала, не обжигала — именно плавилась, словно брошенный на раскалённую сковороду кусок дешёвого маргарина. Андрей Ильич Воронов стоял у окна своего кабинета на четвёртом этаже старого здания в Газетном переулке и смотрел, как дрожит воздух над асфальтом. Термометр за стеклом показывал тридцать четыре в тени, но тени не было. Было только марево, в котором тонули очертания припаркованных машин и редких прохожих, бредущих к спасительному кондиционированному чреву метро.

Воронов провёл ладонью по лицу. Ладонь была влажной. Все в этом городе было влажным последние две недели — рубашки, простыни, бумага в принтере, даже сигареты, которые он по привычке держал в кармане плаща. Плащ висел на спинке стула — старая, вытертая до основы вещь из темно-серой ткани, которую он таскал на себе в любую погоду. Не из суеверия. Просто привычка. Броня.

— Воронов, ты оглох?

Голос Мишина — полковника, его непосредственного начальника — ввинтился в затылок тупым сверлом.

— Нет, Сергей Витальевич. Слушаю.

— Ты не слушаешь. Ты стоишь и медитируешь на жару. Жара не рассосётся. Труп — тоже.

Воронов обернулся. Мишин сидел в его кресле, расстегнув ворот форменной рубашки, под которым проступали влажные кольца пота. На столе перед ним лежала тонкая папка. Зелёная, без маркировки — значит, только поступила, даже канцелярия ещё не успела присвоить номер.

— Что там? — спросил Воронов.

— Ты сядь сначала.

Воронов сел на жёсткий стул для посетителей. Стул скрипнул под его весом — сто девяносто сантиметров костей, сухожилий и застарелой усталости. Он вытянул ноги в старых туфлях и вопросительно поднял бровь.

— Южный округ, — Мишин раскрыл папку, но заглядывать не стал, говорил по памяти. — Промзона в районе станции «Автозаводская». Строительный объект, высотка бизнес-класса

«Триумф-Тауэр», застройщик — консорциум «Столичный проект». Стройка заморожена с ноября прошлого года. Охрана — два пенсионера и собака, которая сдохла от тоски ещё в январе.

— Поэтично, — заметил Воронов.

— Тело нашли сегодня в шесть утра. Рабочие. Их вызывали демонтировать часть опалубки, решение суда, в общем, неважно. Тело находится в техническом помещении на минус третьем этаже. Вентиляционная шахта, если точнее. Женщина. Молодая. Двадцать пять — тридцать лет. Документов нет. Одежды нет. Причина смерти навскидку — сердечная недостаточность.

— Тогда почему папка у меня на столе, а не в районном отделе?

Мишин захлопнул папку. Звук получился глухим, будто кто-то хлопнул ладонью по сырой земле.

— Потому что сердечная недостаточность не оставляет таких следов.

Он вынул из папки глянцевую фотографию и подтолкнул её через стол. Воронов не спешил брать в руки. Он смотрел на изображение сверху, не прикасаясь, — старая профессиональная привычка, выработанная годами в моргах и на местах преступлений. Стекланный взгляд, фиксирующий детали раньше, чем мозг успеет их осмыслить.

Обнажённое женское тело. Поза эмбриона, но неестественная — так не сворачиваются от боли. Слишком симметрично. Слишком выверенно. Кожа чистая, никаких следов борьбы, гематом, характерных для насильственной смерти. Глаза закрыты. Лицо спокойное, почти безмятежное, словно женщина просто уснула и не проснулась.

Но на внутренней стороне левого предплечья, чуть ниже локтевого сгиба — рисунок.

— Татуировка? — спросил Воронов, уже зная ответ.

— Нет. Свежий надрез. Тончайший, будто хирургическим скальпелем. Рисунок вырезан посмертно. Или в процессе умирания — эксперты пока спорят.

Воронов взял фотографию. Поднёс ближе к глазам. Рисунок был простым и от этого ещё более чуждым на мёртвой плоти — идеально ровная окружность с вписанным в неё шестигранником. Внутри шестигранника — точка. Линии выверены с точностью чертёжного прибора. Ни одного отклонения, ни одной дрогнувшей линии.

— Это похоже на геодезическую метку, — сказал он медленно. — Или архитектурный символ.

— Похоже, — кивнул Мишин. — Именно поэтому я пришёл к тебе, а не отправил это в район. Мне нужно, чтобы ты съездил туда. Сейчас. Прямо сейчас.

— Там уже работает группа?

— Группа работает с восьми утра. Но я хочу, чтобы ты взглянул сам. Свежим взглядом. Старым нюхом. Называй как хочешь.

Воронов аккуратно положил фотографию обратно в папку. Его пальцы — длинные, с пожелтевшими от табака подушечками — на секунду задержались на глянце. Что-то в этом снимке его тревожило. Не сам труп. Не надрез. А что-то ещё, ускользающее, словно тень в периферийном зрении.

— Кого возьмёшь с собой? — спросил Мишин.

— Увижу на месте.

— Возьми аналитика. Из нового отдела поведенческого профилирования. Там есть толковый парень, Градов Максим. Молодой, но голова варит. Я распоряжусь, чтобы его прикомандировали к тебе на это дело.

Воронов поморщился:

— Я не работаю с профилировщиками. Это гадание на кофейной гуще.

— А я не спрашиваю, с кем ты работаешь, — отрезал Мишин. — Дело странное. Мне нужны все ресурсы. Градов будет у выхода через десять минут. Не заставляй его ждать.

Полковник поднялся. Кресло под ним жалобно вздохнуло, освобождаясь от веса. Воронов остался сидеть, глядя на папку.

— И ещё, Андрей Ильич, — Мишин остановился в дверях. — Ты в курсе, что у тебя вид, будто ты неделю не спал?

— Я в курсе.

— Это не просто забота о подчинённом. Дело может пойти по федеральному уровню. Пресса уже почуяла запах. Мне нужен следователь с ясной головой, а не зомби с трясущимися руками.

— Руки не трясутся, — Воронов продемонстрировал ладони. — И голова ясная.

— Ну-ну. — Мишин вышел, оставив дверь открытой.

С минуту Воронов сидел неподвижно. Потом встал, подошёл к сейфу, достал табельный пистолет — старый, но ухоженный, воронёная сталь, пахнущая ружейным маслом, — и закрепил кобуру под мышкой. Плащ надел уже в коридоре, на ходу. Ткань легла на плечи привычной тяжестью.

В лифте он закрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыла фотография — обнажённое тело, свернувшееся в искусственной утробе вентиляционной шахты, и символ на руке, вычерченный с пугающей точностью.

Что-то в этом символе было.

Что-то, что Воронов уже видел раньше. Или не видел, но чувствовал — как чувствуют приближение грозы за несколько часов до первого грома.

Двери лифта разъехались, впуслав волну удушливого жара. На ступенях крыльца стоял молодой человек в светлой рубашке с закатанными рукавами и узких брюках. Тонкая оправа

очков поблёскивала на солнце. В руках он вертел механический карандаш — быстро, нервно, словно отбивал некий ритм, слышный ему одному.

— Андрей Ильич? — парень шагнул навстречу. — Максим Градов. Можно просто Макс. Мне сказали, я с вами.

Воронов смерил его взглядом. Худой. Аккуратный. Слишком молодой. От него пахло кондиционером и дорогим парфюмом с нотой сандала.

— В машине не курить, — предупредил Градов. — У меня аллергия на дым.

Воронов ничего не ответил. Он прошёл мимо, доставая из кармана смятую пачку. В конце концов, это его машина. И его правила.

Усевшись за руль, он опустил стекло и закурил, глядя, как Градов брезгливо морщится, устраиваясь на пассажирском сиденье.

— Вы всегда такой любезный? — спросил аналитик.

— Всегда.

Воронов выдохнул дым в окно, повернул ключ зажигания и вырулил со стоянки. Навигатор на приборной панели услужливо проложил маршрут до «Автозаводской» — тридцать пять минут по пробкам, даже с мигалкой.

У них было время. У мёртвой женщины в подвале строящейся высотки времени не было вовсе.

Промзона встретила их запахом пыли и разогретого бетона. Строительный объект «Триумф-Тауэр» — двадцатипятиэтажный скелет, обтянутый зелёной сеткой, — возвышался над пустырьём, окружённый ржавым забором и бетонными блоками. У ворот дежурили две патрульные машины. Жёлтая лента ограждения колыхалась на слабом ветру.

Воронов припарковался у КПП. Вышел, не глуша двигатель — в салоне должно было остаться прохладно для Градова, но тот уже выбрался следом.

— Андрей Ильич, — окликнул его незнакомый голос.

Капитан из районного отдела, представившийся Корнеевым, протянул руку. Рукопожатие было вялым, ладонь влажной.

— Тело на минус третьем. Лифты не работают, придётся пешком. Лестница техническая, без освещения. Возьмите фонари.

Спуск занял около десяти минут. С каждым пролётом воздух становился холоднее и плотнее, пропитываясь запахом сырого бетона и застоявшейся воды. Где-то капало — размеренно, монотонно, словно тикал невидимый метроном.

На минус третьем их встретил эксперт — пожилой судмедэксперт в заляпанном халате, которого Воронов знал много лет. Фамилия его была Горелик. Он сидел на перевёрнутом ящике, курил электронную сигарету и смотрел в темноту коридора.

— Андрей Ильич, — кивнул он. — Давно не виделись. Выглядишь паршиво.

— Спасибо. Показывай.

Горелик повёл их в конец коридора, где зиял провал вентиляционной шахты. Техники уже установили переносные лампы, залившие пространство резким белым светом. В этом свете тело казалось гипсовой скульптурой — безупречной, неестественно белой.

Женщине было на вид не больше тридцати. Тонкие черты лица, короткая стрижка, тёмные волосы слиплись на висках от пота или воды. Тело лежало в позе эмбриона на голом бетоне. И символ на предплечье был виден отчётливо, словно выжженный лазером.

Градов присел рядом с телом, не переступая ограждения. Его лицо оставалось бесстрастным, но Воронов заметил, как побелели костяшки пальцев, сжимающих карандаш.

— Окружность, гексагон, точка, — произнёс аналитик тихо. — Это не просто рисунок. Это обозначение.

— Чего? — спросил Воронов.

— Опорной точки. Геодезической или архитектурной. Так маркируют узлы конструкции на чертежах. Места, где сходятся силовые линии здания. Точка отсчёта, от которой строится вся геометрия объекта.

Градов поднял глаза. В резком свете ламп его зрачки казались чёрными дырами.

— Кто-то пометил её как элемент конструкции, Андрей Ильич. Как деталь. Как часть этого здания.

Воронов почувствовал, как по спине пробежал холодок — и это не имело отношения к температуре подвала. Он присел рядом с телом, всматриваясь в лицо мёртвой женщины. Безмятежное. Спокойное. Ни следа агонии.

— Горелик, что с причиной смерти?

— Если бы не символ, я бы сказал — остановка сердца во сне. Никаких следов удушения, отравления, травм. Токсикология будет готова завтра, но уже сейчас могу сказать — на игле не сидела, алкоголем не злоупотребляла. Здоровая молодая женщина. Просто сердце остановилось.

— Просто так сердца не останавливаются.

— Согласен. Но как — я пока не понимаю. И это меня пугает больше всего.

Воронов выпрямился. Колени хрустнули. Он вдруг остро осознал свой возраст, свою усталость и то необъяснимое чувство, которое поселилось в груди в тот момент, когда он взял в руки фотографию. Предчувствие. Плохое, липкое, как патока, предчувствие.

— Градов, — позвал он. — Ты говорил про чертежи. Сможешь узнать, что именно обозначает этот символ?

— Постараюсь. Мне нужны архитектурные планы этого здания. И доступ к базам градостроительной документации.

— Получишь. Корнеев! — капитан возник из темноты. — Обеспечь аналитику всё, что нужно. Полный доступ.

— Будет сделано.

Воронов ещё раз взглянул на тело. Потом — на символ.

— Увозите, — сказал он тихо. — И работайте аккуратно. Я хочу знать каждый миллиметр этого тела. Каждую клетку.

Он развернулся и пошёл к лестнице, не дожидаясь Градова. В голове гудело. Перед глазами стоял знак — окружность, гексагон, точка. Точка отсчёта. Нулевая отметка.

На полпути к выходу его нагнал Градов.

— Андрей Ильич, вы в порядке?

— В порядке.

— Вам бы поспать. Честное слово. У вас микротремор пальцев, расширенные зрачки и, простите за прямоту, запах кофеина из всех пор.

— Ты всегда такой наблюдательный?

— Это моя работа.

Воронов остановился. Обернулся. Они стояли на узкой лестнице, бетонные стены давили с обеих сторон, и свет фонарей выхватывал из темноты их лица — усталое, изрезанное морщинами лицо следователя и гладкое, невозмутимое лицо аналитика.

— Знаешь, что я понял за двадцать лет работы? — спросил Воронов.

— Что?

— Когда всё слишком чисто — это самое грязное дело из всех. Когда всё слишком понятно — тебя водят за нос. А когда у жертвы такое лицо, будто она приняла смерть как подарок — убийца не просто сумасшедший. Он верит в то, что делает.

Он помолчал.

— И это страшнее любых признаков безумия.

Градов ничего не ответил. Только карандаш в его пальцах крутанулся быстрее, отбивая дробь по костяшкам — тук-тук-тук, словно вторя ритму падающих где-то в глубине капель.

Они вышли на поверхность. Солнце ударило по глазам. Город плавился. И где-то в его раскалённом чреве двигалась невидимая сила — методичная, точная, убеждённая в своей правоте. Сила, для которой человеческая жизнь была всего лишь точкой на чертеже.

Воронов достал сигарету. Закурил, уже не думая об аллергии напарника.

— Поехали, — сказал он. — Будем распутывать.

До заката оставалось шесть часов.

Глава 2

Кабинет аналитического отдела располагался на седьмом этаже того же здания в Газетном переулке, но Воронов никогда здесь не бывал. Не было повода. Его мир состоял из допросных, моргов, выездов на место преступления и собственного продавленного дивана в однокомнатной квартире на «Юго-Западной». Аналитики существовали где-то в параллельной вселенной — камеральной, стерильной, населённой графиками, статистикой и умными словами, которые ничего не значили для человека, привыкшего работать руками.

Но сейчас он стоял посреди этой вселенной и чувствовал себя ископаемым.

Помещение напоминало операционный зал футуристической корпорации. Панорамные окна (жалюзи опущены, чтобы не выгорали мониторы), десяток рабочих станций с тремя экранами каждая, кондиционеры, нагнетающие холод до уровня овощной базы. Стены были увешаны распечатками диаграмм, графиков и каких-то сложных схем. В воздухе пахло озоном от работающей электроники и дешёвым кофе из автомата.

Макс Градов сидел за дальним столом, развернув перед собой несколько голографических панелей — новейшая технология, которую Воронов видел только в рекламных роликах. Полупрозрачные экраны мерцали в воздухе, покрытые колонками цифр, трёхмерными моделями и текстовыми блоками. Пальцы Градова порхали над сенсорной панелью, а на лице застыло выражение сосредоточенного покоя — так выглядит человек, занимающийся любимым делом.

— Садитесь, — не оборачиваясь, произнёс Градов. — Кофе хотите? Тут, правда, отравы, но другой нет.

— Не хочу. — Воронов сел в кресло для посетителей — такое же неудобное, как в его кабинете, словно во всём ведомстве закупили одну партию мебели для создания дискомфорта. — Что нашли?

— Пока мало. Но достаточно, чтобы понять: мы имеем дело не с обычным убийцей.

Градов развернул одну из панелей к Воронову. На ней высветилась фотография символа — та же окружность с гексагоном и точкой, но теперь на неё была наложена сетка координат и какие-то расчёты.

— Я прогнал символ через несколько баз данных, — продолжил аналитик. — Строительные нормативы, архитектурные ГОСТы, геодезические стандарты. Это действительно опорная точка. Конкретно — нулевой репер. Отметка, от которой ведётся отсчёт высот и глубин при строительстве. Своего рода «пуп» здания. Точка, относительно которой всё остальное обретает смысл.

— И что это значит?

— Это значит, что убийца не просто вырезал на теле рисунок. Он превратил жертву в часть архитектуры. В буквальном смысле — пометил её как фундаментальный элемент здания.

Градов снял очки и начал протирать стёкла уголком рубашки — движение выдавало скрытое волнение. Карандаш лежал на столе, но пальцы то и дело тянулись к нему, словно нуждались в привычном якоре.

— Я проверил все похожие преступления по базам Интерпола и российским архивам за последние тридцать лет, — сказал он, возвращая очки на переносицу. — Ничего похожего. Нулевой результат. Наш убийца — либо гений, либо сумасшедший, либо и то, и другое.

— Сумасшедший гений, — Воронов криво усмехнулся. — Любимое сочетание прессы. Ладно. Что по телу? Жертву опознали?

— Да. Час назад пришли результаты дактилоскопии. Кира Смирнова, двадцать пять лет. Архитектор-реставратор, сотрудница проектного бюро «АрхНаследие». Зарегистрирована в Москве, съёмная квартира в районе «Текстильщики». Родители в Нижнем Новгороде, уже оповещены. Не замужем. Не судима. Идеальная биография идеальной жертвы.

Воронов напрягся. Что-то в фамилии Смирнова его зацепило. Что-то знакомое, но ускользающее — словно обрывок мелодии, которую слышал когда-то во сне.

— Где ты взял её данные так быстро?

— У нас есть доступ к гражданским базам, — пожал плечами Градов. — Обычная процедура.

— Обычная процедура занимает сутки.

— Ну, я ускорил. Связи.

Воронов хотел было возразить, но промолчал. Молодой аналитик, судя по всему, был не просто «толковым парнем». У него имелись рычаги, о которых Воронов мог только догадываться. И это тоже вызывало смутное беспокойство — ещё один штрих к портрету человека, которого он знал меньше суток.

— Что ещё? — спросил он.

— Кира Смирнова пропала четыре дня назад. Заявление о пропаже подали коллеги — она не вышла на работу и не отвечала на звонки. Полиция начала поиски, но безрезультатно. А сегодня её нашли на стройке, в которой она никогда не работала.

— Откуда знаешь?

— Проверил. «АрхНаследие» не имеет отношения к «Триумф-Тауэр». Это разные компании, разные проекты. Смирнова занималась реставрацией исторических зданий, а не строительством высоток. Она никак не могла оказаться на этом объекте по работе.

Воронов задумался. Он достал свой старый блокнот в кожаном переплёте — потёртый, с пожелтевшими страницами, который таскал с собой уже десять лет, — и сделал пометку: «Связь жертвы с объектом? Случайная или нет?»

— Дальше, — сказал он.

— Дальше интереснее. Я поднял историю объекта «Триумф-Тауэр». Строительство началось в декабре двадцать четвёртого. Через восемь месяцев заморожено из-за финансовых проблем застройщика. Но до заморозки на объекте произошёл несчастный случай. Рабочий сорвался с лесов, насмерть. Двадцать третий этаж. Тело нашли не сразу — оно застряло в конструкции. В акте о несчастном случае есть любопытная деталь.

Градов вывел на голографический экран отсканированный документ с печатями. Подчеркнул абзац:

— «При падении тело пострадавшего пробило техническое перекрытие и застряло в вентиляционной шахте на уровне минус третьего этажа». Там же, где нашли Смирнову.

Воронов перестал писать. Поднял глаза на Градова.

— То есть место уже было «отмечено» смертью?

— Именно. Прошлой осенью там погиб человек. А теперь — ещё один. В той же шахте. С тем же символом на теле. Символом, который превращает человека в архитектурный элемент.

Они замолчали. Где-то гудел кондиционер. За окном — за плотно закрытыми жалюзи — плавилась Москва.

— Ты понимаешь, что это значит? — тихо спросил Воронов.

— Понимаю. Это не первое убийство. И, вероятно, не последнее. У нас серия.

— Но первое тело нашли только сейчас. Если были другие — где они?

— Пока не знаю. Но я запустил поиск по всем нераскрытым смертям с похожими обстоятельствами за последние два года. Результаты будут завтра.

Воронов захлопнул блокнот. Встал. Подошёл к панорамному окну и раздвинул жалюзи. В лицо ударил слепящий свет — солнце висело над городом, словно налитый кровью глаз.

— Мне нужен полный профиль жертвы, — сказал он, не оборачиваясь. — Всё. Контакты, переписки, банковские транзакции, перемещения за последний месяц. И свяжись с её родителями — пусть пришлют фотографии, письма, что угодно. Я должен понять, почему она.

— Сделаю.

— И ещё, Градов.

— Да?

— Когда будете искать похожие случаи, проверьте не только смерти. Проверьте исчезновения. Возможно, наши жертвы пока не найдены. Возможно, они лежат в таких же подвалах по всему городу и ждут, когда их обнаружат.

Воронов обернулся. Их взгляды встретились. В глазах Градова что-то мелькнуло — тень, мимолётное выражение, которое Воронов не успел считать. Показалось? Нет? Он заставил себя отвести взгляд.

— Вы правы, — сказал аналитик. — Я расширю поиск. И ещё. Я хочу, чтобы вы знали. Кира Смирнова... её лицо показалось мне знакомым.

— Откуда?

— Не могу вспомнить. Может быть, видел на какой-нибудь конференции. В архитектурной среде много пересечений. Но полной уверенности нет. Возможно, просто показалось.

Воронов кивнул. Но что-то внутри него — старое, опытное чутьё, выработанное годами допросов и разоблачений, — зафиксировало этот момент. Запомнило. Отложило до времени.

— Я поеду в «Текстильщики», — сказал он. — Посмотрю квартиру Смирновой. Ты — здесь. К вечеру жду полный отчёт по профилю.

— Принято.

Уже в дверях Воронов остановился.

— Градов.

— Да?

— Ты сказал — ускорил идентификацию по связям. Каким именно?

Аналитик улыбнулся — открыто, почти по-детски:

— У меня есть контакты в техническом департаменте. Ничего противозаконного, если вы об этом. Просто умею договариваться.

Воронов вышел, не попрощавшись. В коридоре он снова закурил — плевать на правила противопожарной безопасности, плевать на датчики дыма. Ему нужно было подумать.

Что-то не складывалось. Не стыковалось. Слишком быстро они получили опознание. Слишком удобно легли факты. Слишком вовремя возник Градов со своими голографическими панелями и идеальной памятью на лица.

Слишком.

Он спустился в гараж, сел в машину, но не заводил двигатель ещё минут пять. Просто сидел, курил и смотрел, как дым растворяется в горячем воздухе, поднимаясь к бетонному потолку паркинга.

Потом завёл мотор. Выехал на раскалённую улицу.

Впереди был долгий день. И длинная ночь. И то, что он найдёт в квартире погибшей девушки, перевернёт всё расследование — но об этом он пока не знал.

Квартира Киры Смирновой находилась на двенадцатом этаже панельной шестнадцатизаэтажки в глубине района «Текстильщики» — старого, советской ещё застройки, с разбитыми тротуарами и пыльными тополями во дворах. Дом был из тех, что строили в восьмидесятых:

серые панели, маленькие кухни, балконы, застеклённые кто во что горазд. Подъезд встретил Воронова запахом сырости и кошачьей мочи. Лифт не работал.

Он поднялся пешком, проклиная жару, возраст и свою привычку курить. У двери с номером «128» его ждал участковый — молодой парень с погонами лейтенанта, представившийся Субботиным.

— Квартиру вскрыли в присутствии понятых, — отрапортовал он, заметно волнуясь. — Внутри всё в порядке. Никаких следов взлома или борьбы.

— Ключи у кого?

— У хозяйки квартиры. Она живёт в соседнем подъезде. Говорит, Смирнова была идеальной квартиранткой — платила вовремя, не шумела, гостей не водила.

— Не водила гостей? Вообще?

— Так говорит хозяйка. Но, может, просто не замечала.

Воронов кивнул и вошёл в квартиру.

Внутри было чисто. Даже слишком чисто — так не живут реальные люди, так живут декорации в мебельных каталогах. Минималистичная мебель, светлые тона, ни одной лишней вещи. На кухне — идеально вымытая посуда в сушилке. В холодильнике — только самое необходимое: яйца, молоко, упаковка овощей. Никаких следов недавнего присутствия.

Он прошёл в комнату. Рабочий стол был завален чертежами, эскизами, распечатками. Ноутбук стоял в спящем режиме. Воронов нажал на клавишу — экран загорелся, запрашивая пароль.

— Субботин, — позвал он. — Ноутбук изымаем. Пусть технари взломают.

— Есть.

Над столом висела пробковая доска с приколотыми кнопками фотографиями и записками. Воронов подошёл ближе. Фотографии были в основном архитектурные — старые московские особняки, церкви, элементы лепнины, кирпичная кладка. Кира Смирнова была увлечённым профессионалом, это бросалось в глаза.

Но одна фотография выделялась.

Это был не архитектурный объект. Это был человек. Мужчина, снятый со спины, вполоборота. Худой, в очках, с механическим карандашом в руке. Стоит на фоне какого-то стеклянного фасада. Фотография была явно непрофессиональной, словно снята украдкой — может быть, телефоном из-за угла.

Воронов всмотрелся в изображение. Сердце пропустило удар.

Он знал этого человека. Он видел его сегодня утром. Он сидел с ним в одной машине. Максим Градов.

— Твою мать, — прошептал Воронов.

Он аккуратно снял фотографию с доски. Перевернул. На обратной стороне — надпись карандашом, почерком, который явно принадлежал женщине:

«М. — Триумф-Тауэр. Октябрь 2025. Он знает. Я уверена, что он знает.»

Воронов стоял неподвижно, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Кира Смирнова знала Градова. Более того — она следила за ним. И она считала, что он что-то знает. Что-то, связанное с объектом «Триумф-Тауэр». Что-то, что могло стоить ей жизни.

Он вспомнил слова аналитика: «Её лицо показалось мне знакомым». Конечно, знакомым. Они были знакомы — близко знакомы. И Градов солгал.

Это меняло всё.

Воронов достал телефон, чтобы позвонить Мишину. Но палец замер над кнопкой вызова.

Если Градов лжёт, то кому ещё можно доверять? Кто ещё в этом расследовании играет свою игру? Мишин, который так настойчиво рекомендовал взять аналитика? Технический отдел, к которому у Градова якобы есть «связи»?

Он убрал телефон в карман.

— Субботин, — окликнул он участкового. — Кроме нас, в квартире кто-то был?

— Только хозяйка и понятые. А что?

— Ничего. Продолжайте осмотр. Мне нужно уехать.

Он вышел из квартиры, сжимая в руке фотографию. Спускаясь по лестнице, чувствовал, как внутри закручивается тугая спираль — смесь гнева, страха и мрачного профессионального азарта.

Итак, у них есть убитая девушка. Есть странный символ. Есть аналитик, который лжёт о своей связи с жертвой. И есть объект «Триумф-Тауэр» — громада из стекла и бетона, в подвале которой уже погибли два человека.

И где-то в этом городе, в душном мареве июльской Москвы, ходит убийца. Ходит и ждёт. Или — что вероятнее — уже выбирает следующую жертву.

Воронов сел в машину. Посмотрел на часы. Четыре пополудни. До темноты — ещё несколько часов. А в темноте всё становится хуже. В темноте страх обретает форму. И тени начинают двигаться.

Он завёл мотор и поехал обратно в Газетный переулок. Ему нужно было кое-что проверить. И кое с кем поговорить.

На этот раз — без свидетелей.

Глава 3

К вечеру жара не спала, а лишь переменяла характер — из сухого, пыльного зноя превратилась в густую, влажную духоту, предвещающую грозу. Небо над Москвой набухало свинцом. Где-то на горизонте уже погромыхивало — глухо, лениво, словно небеса не могли решить, стоит ли разразиться ливнем или подождать ещё немного. Воронов стоял на крыльце управления и смотрел, как первые капли разбиваются о раскалённый асфальт, оставляя тёмные кратеры.

Гроза была кстати. Гроза смывает следы. Гроза притупляет бдительность. Гроза — идеальное время для того, чтобы сделать то, что он задумал.

Он не пошёл в аналитический отдел. Вместо этого он поднялся к себе, запер дверь кабинета и сел за стол. Перед ним лежала фотография, снятая с пробковой доски в квартире Смирновой, — Макс Градов в пол-оборота, с вечным карандашом в пальцах. На обороте — та самая надпись, от которой до сих пор холодело в груди: «Он знает.»

Что именно знает Градов? Что такого увидела Кира Смирнова на стройке «Триумф-Тауэр» в октябре прошлого года? И почему она не пошла в полицию, а начала собственное расследование — тайком, украдкой, словно боялась, что ей не поверят?

Воронов открыл блокнот и начал записывать факты — так, как он делал всегда, когда расследование запутывалось в узел. Голые факты. Без эмоций. Без догадок.

Факт первый: Кира Смирнова, архитектор-реставратор, была найдена мёртвой в техническом помещении объекта «Триумф-Тауэр». Причина смерти — предположительно остановка сердца. На теле — символ «нулевого репера», вырезанный посмертно.

Факт второй: за восемь месяцев до этого, в октябре 2025 года, она сделала фотографию Максима Градова на фоне строящегося здания. На обороте — запись, свидетельствующая о её подозрениях.

Факт третий: Градов, аналитик-криминалист, прикомандированный к расследованию, солгал о своём знакомстве с жертвой. Сказал, что её лицо «показалось знакомым». Но фотография доказывает обратное — они знали друг друга. Близо. Возможно, слишком близо.

Факт четвёртый: ровно год назад, в июле 2025-го, на том же объекте погиб рабочий. Его тело застряло в той же вентиляционной шахте, где позже нашли Смирнову.

Совпадение? Воронов не верил в совпадения. Особенно в такие.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли образы: подвал, бетонные стены, тело женщины, свёрнутое в позу эмбриона, и символ — окружность с гексагоном и точкой. Нулевой репер. Точка отсчёта.

Что, если это действительно была точка отсчёта? Что, если убийства — или смерти, пока неясно — только начинались?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не открывая глаз.

Вошёл Мишин. Без стука — просто открыл дверь и вошёл, как всегда делал, не утруждая себя формальностями. Но сегодня его лицо было другим — не привычная маска начальственного цинизма, а что-то иное. Тревога? Нет, скорее, мрачная озабоченность.

— Ты уже в курсе? — спросил он с порога.

— О чём?

— Ещё одно тело. Только что нашли. В Люблино.

Воронов открыл глаза. Резко сел прямо.

— Когда?

— Час назад. Звонили из районного отдела. Пока предварительно. Но детали... — Мишин помедлил, подбирая слова. — Детали те же. Заброшенное здание. Технический этаж. Обнажённое тело. И символ. Точно такой же.

— Кто жертва?

— Мужчина. Личность пока не установлена. Лет сорок — сорок пять. Без документов. Без одежды. Без следов борьбы. И... — Мишин запнулся.

— Что «и»?

— У него не было глаз.

Воронов замер. В висках запульсировала кровь.

— В смысле «не было глаз»?

— В прямом. Глазные яблоки удалены. Аккуратно. Хирургически. Вместо них — что-то вставлено. Эксперты пока не говорят что именно, но по предварительным данным — стеклянные шарики. Как у старых кукол.

Они помолчали. Капли дождя застучали по подоконнику чаще, настойчивее. Гроза наконец решилась.

— Я еду туда, — Воронов встал.

— Конечно, едешь. Но я пришёл не только за этим, — Мишин достал из папки лист бумаги. — Помнишь, ты просил проверить похожие случаи? Ну, твой Градов запрос сделал. И кое-что нашёл.

— Что?

— За последние два года в Москве и области произошло шесть смертей, классифицированных как «несчастный случай» или «естественная смерть», но с похожими обстоятельствами. Все тела находили в технических помещениях — подвалах, шахтах, коллекторах. Все — без одежды. Все — с «посмертными манипуляциями», как выразился патологоанатом. И знаешь, что объединяет все случаи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.